

Так Фу Жуньшэн сделался постоянным спутником Юйцина, обзаведясь к тому же дурацким прозвищем — Эрмяо. Новым именем он был крайне недоволен, да только Доудоу, зачинщик этой проказы, решительно не желал прислушиваться к его вялым протестам.

Эрпан и Маганьэр поначалу опешили, когда в их компании объявился этот молчаливый очкарик. Впрочем, детская дружба — штука бесхитростная: раз играем вместе, значит, свои. К тому же новоиспечённый приятель проявил себя идеальным ведомым: послушно выполнял любые команды, не спорил, не капризничал и не лез на рожон — настоящий образцовый товарищ по играм. Так что добродушный Эрпан быстро сменил гнев на милость. А вот Маганьэр отнёсся к пришельцу настороженно. Ему казалось, что с этим Жуньшэном что-то не так, но чётко сформулировать свои подозрения он не мог, лишь смущённо бубнил под нос.

— Ну ненормальный он какой-то, и всё тут, — наконец подытожил Маганьэр.

— По-моему, это ты у нас ненормальный, — недовольно буркнул в ответ Эрпан. — Какого чёрта тебя понесло к самым деревьям? Из-за тебя весь мой воздушный змей изорвался о ветки. Нарочно ведь сделал!

Маганьэр тут же принялся оправдываться: мол, змей у Эрпана слишком тяжеленный и огромный, сам его за собой утащил. Эрпан тоже в долгу не остался: мы, дескать, помочь хотели, а ты упрямо из рук верёвку не выпускал, сам теперь и виноват! Слово за слово, и мальчишки в пух и прах разругались. В ход пошли классические детские угрозы вроде «кто с тобой водиться станет — тот собака», и казалось, дружбе наступил окончательный и бесповоротный конец.

Юйцин лишь почесал за ухом и сладко зевнул. Он-то прекрасно знал: завтра они проснутся и даже не вспомнят о сегодняшней обиде.

С реки тянул мягкий, ленивый ветерок, принося густой, сладковатый аромат цветущей сирени. Полуденное солнце грело совсем по-летнему. Его лучи, пробиваясь сквозь молодую, ещё редкую листву деревьев, рассыпались по земле дрожащими искрами сусального золота.

Жуньшэн тем временем мирно дремал на скамейке. Несмотря на долгую беготню, его лицо так и не порозовело, сохраняя привычную болезненную бледность. Пользуясь моментом, Юйцин осторожно стянул с его носа очки и водрузил себе на переносицу. Но едва примерил, как голова закружилась, а мир перед глазами превратился в мутное, расплывчатое пятно. Испугавшись, мальчик торопливо, едва не выронив стёкла, водрузил очки на прежнее место.

Жуньшэн приоткрыл глаза. Юйцин тут же отвернулся в сторону, насвистывая и делая самый независимый вид.

— Скучища, — уныло пробормотал Жуньшэн.

— Ну, в следующий раз во что-нибудь другое сыграем, — Юйцин весело болтал ногами, свесив

их со скамейки. — А ты во что хочешь?

Жуньшэн уставился на колышущуюся над головой листву и тихо обронил:

— Ни во что не хочу.

— Это ещё почему? — искренне удивился Юйцин.

— И откуда у тебя вечно столько вопросов? — вяло отозвался тот.

Юйцин промолчал. Потерев кончик носа, он шумно вдохнул тёплый сиреневый воздух и мечтательно сощурился:

— Хорошо-то как...

Сверху сорвался сухой листок и опустился прямо на кончик носа Жуньшэну. Тот попытался его сдуть, и увядшая пластинка скользнула прямо в ладонь Юйцина. Мальчик поднял её над головой, разглядывая на просвет:

— Надо же, жёлтый. Сейчас ведь весна, откуда взяться жёлтому листу?

Жуньшэн проигнорировал замечание. Юйцин легонько пихнул его в бок:

— Эй, глянь, ну глянь же!

— Не буду, — Жуньшэн демонстративно отвернулся.

— Да посмотри ты!

Жуньшэн шумно вздохнул и попытался приподняться, но неловко соскользнул со скамейки прямо на землю. Юйцин бросился ему на помощь, они запутались в собственных руках и ногах, и в этой нелепой возне Жуньшэн чувствительно ткнулся лицом прямо в макушку Юйцина.

Юйцин тут же схватился за пострадавшую голову и обиженно надул губы.

Жуньшэн как-то странно потрогал свои губы и вдруг спросил:

— Ты каким шампунем голову мыл?

Юйцин озадаченно поскрёб затылок:

— А?

— Спрашиваю, шампунь у тебя какой?

— Не знаю, — честно признался Юйцин. — Я уже неделю башку не мыл.

Лицо Жуньшэна вытянулось так, словно он проглотил гусеницу. Он принялся яростно тереть рот рукавом:

— Как можно так долго не мыться?! Грязнуля!

— Подумаешь, — беспечно отмахнулся Юйцин. — Вот вечером старший брат вернётся, мы с ним в общественную баню пойдём. — Он поднялся и отряхнул штаны, после чего окинул собеседника жалостливым взглядом: — Мама говорит, часто мыть голову вредно. Вот у тебя волосы совсем жёлтые. Наверняка потому, что ты их без конца намыливаешь. Смыл всю краску, они и выцвели.

— Чепуха! — возмутился Жуньшэн. — Не бывает такого!

— Очень даже бывает, — с самым авторитетным видом кивнул Юйцин. — Белые простыни или рубашки, если их постоянно стирать, со временем тоже ведь желтеют? Ну вот и с волосами то же самое.

Жуньшэн заметно заколебался, не зная, что возразить на столь железную логику.

Юйцин собирался развить свою мысль, но его прервал донёсшийся издали возмущённый крик Эрпана:

— Но в этот-то раз ты точно вернёшь!

Мальчишки обернулись на крик. На дорожке парка стояли Сияньэр, Бяньтоу и их извечная свита.

Эта орава была с соседней улицы, из двора подшипникового завода. Все они были старше Юйцина и его компании, а заправлял ими долговязый Сияньэр — парень с узкими, похожими на щёлочки глазами, который уже учился в старшей школе.

Сам Сиреневый дворик только назывался «большим двором», а на деле там жило от силы десятка два семей. Детей вроде Юйцина, пропадавших целыми днями на улице, было раз-два и

обчёлся. В те годы родителям приходилось вкалывать с утра до ночи, чтобы прокормить семьи, так что детвора росла предоставленной самой себе. Нравы тогда царили суровые, если не сказать дикие. Подростки постарше частенько колотили и обирали мелюзгу, а массовые драки район на район были делом обыденным.

Конечно, Сияньэр со своими прихвостнями ещё не дорос до настоящих уголовников — у них в карманах не водились трёхгранные заточки, и они не устраивали кровавых побоищ за сферы влияния, но досаждать младшим было для них любимой забавой. У бедного Эрпана они совсем недавно уже «одолжили» один воздушный змей, который, разумеется, так и не вернули.

Юйцин бесстрашно бросился на выручку другу:

— Вы ещё за прошлый раз долг не вернули!

Поскольку Юйцин был совсем мал и щупл, Сияньэр даже бровью не повёл:

— Тебя вообще никто не спрашивал, мелюзга, — презрительно бросил он. Он уже развернулся, собираясь уйти с новым трофеем, как вдруг его взгляд упал на стоявшего позади Фу Жуньшэна. — Опа, глядите-ка, а это что за полукровка плешивый? Слышь, недоносок, правда, что твой папаша тебе новую мачеху притащить хочет? А, нет, погодите, это твоя мамаша-курва побежала под нового мужика ложиться!

Из толпы старших парней кто-то гоготнул и выкрикнул:

— Шлюха! Шалава нагуляла выродка!

По парку разнёсся глумливый, издевательский хохот.

Фу Жуньшэн стоял неподвижно, его бледное лицо казалось каменным. Он никак не отреагировал на оскорбления, словно они его вообще не касались.

Не дождавшись от бледного мальчишки никакой реакции, Сияньэр разочарованно сплюнул сквозь зубы, махнул рукой и увёл свою банду прочь.

Оставшись без змея, Эрпан окончательно сник и поплёлся домой. Маганьэру тоже пора было уходить — во второй половине дня его ждали нудные занятия с двоюродным братом. Юйцин повернулся к Жуньшэну и робко потянул его за рукав:

— Пойдём и мы домой.

Жуньшэн резко вырвал руку:

— Я не пойду. Идите сами.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и зашагал прочь быстрыми, рваными шагами. Расстроенный потерей змея Эрпан даже не посмотрел ему вслед. Он лишь тяжело вздохнул:

— Ладно, пошли.

Юйцин послушно сделал несколько шагов, но у самых ворот замер:

— Вы идите, а я ещё немного побуду здесь.

Эрпан и Маганьэр недоумённо переглянулись.

— Ну как знаешь, — пожал плечами Эрпан. — Только давай без глупостей, возвращайся засветло. А то твоя бабушка опять к нам прибежит тебя искать.

Юйцин кивнул и припустил обратно вглубь парка.

Полуденное солнце над рекой припекало всё сильнее. Юйцин, сощурившись от слепящих бликов на воде, огляделся по сторонам и вскоре приметил приятеля — тот сидел на бетонных ступенях спуска к воде.

Пальцы Жуньшэна судорожно переплелись, взгляд мертвенно застыл в одной точке, а губы беззвучно шевелились.

Юйцин тихонько, стараясь не шуршать гравием, подошёл ближе и прислушался. До ушей долетел едва различимый шёпот:

—... Чтоб вы сдохли. Все до единого чтоб сдохли...

Юйцин аккуратно примостился рядом на нагретую солнцем ступеньку. Немного помедлив, он боком придвинулся вплотную, соприкасаясь с ним плечом.

Жуньшэн тут же умолк и плотно сжал губы.

Только теперь Юйцин разглядел, что его приятель сжимает в ладони — это был всё тот же маленький пружинный нож.

— Ты бы не таскал его в кармане штанов, — заговорил Юйцин просто для того, чтобы нарушить гнетущую тишину. — Мне мама рассказывала: у них на заводе один мужик постоянно носил нож в кармане брюк. А потом случайно споткнулся, упал, лезвие открылось и угодило прямо в

артерию. Кровь фонтаном, пока скорая ехала — он и преставился.

Жуньшэн резко повернул к нему голову:

— Твоя мама — врач?

Юйцин с гордостью кивнул:

— Ага. Акушер-гинеколог.

— Значит, у вас дома полно медицинских книг?

— Ну да, целый шкаф забит.

Жуньшэн снова погрузился в молчание, уставившись на воду.

Мальчики посидели молча ещё какое-то время, пока в животе у Юйцина требовательно и громко не заурчало. Он похлопал себя по нагрудному кармашку ветровки, где звенела мелочь, и великодушно предложил:

— Эй, проголодался? Пойдём, я тебя угощу.

Пальцы Жуньшэна наконец расслабились, выпуская рукоять ножа.

— Не хочу я есть, — буркнул он, упрямо вскинув подбородок. — И подачек мне не надо.

Но не успело затихнуть последнее слово, как его собственный желудок выдал такую звонкую и раскатистую трель, что скрывать очевидное стало бессмысленно. На бледных, почти прозрачных щеках упряма выступил густой румянец смущения.

Юйцин весело рассмеялся, ничуть не смутившись этой неловкости:

— Да ладно тебе ломаться! Я же не чужой человек, мы ведь друзья. — Он схватил Жуньшэна за руку и потянул за собой: — Тут неподалёку есть одна забегаловка, там готовят — пальчики оближешь!